

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 1(091) +140.8

DOI: 10.18384/2310-7227-2015-3-74-81

Батурина И.В.

Московский технологический институт

ФИЛОСОФИЯ ТВОРЧЕСТВА С.Н. БУЛГАКОВА

Аннотация. В данной статье анализируется философия творчества великого русского мыслителя и богослова С.Н. Булгакова. Согласно его воззрениям, творчество есть самый сложный путь для человека: он требует мужества жизни в двух мирах – небесном и здешнем, мужества служения Абсолютному с осознанием его недостижимости и несравнимости ни с чем человеческим, мужества знания силы и глубины зла в мире и в самом человеке – и, несмотря ни на что, искания только духовного и вечного. Булгаков понимает творчество ещё и как некую встречу и таинственное взаимопроникновение двух миров – имманентного и трансцендентного, как преображение творения и мира, как религиозное служение и восхождение к Богу.

Ключевые слова: философия творчества, смысл жизни, натурализм, секуляризм, универсальная целостность, вера, религия.

I. Baturina

Moscow Technological Institute

S.N. BULGAKOV'S PHILOSOPHY OF CREATIVITY

Abstract. This article is dedicated to the philosophy of creativity by the great Russian thinker and theologian S. N. Bulgakov. According to Bulgakov, creativity is the most difficult way for human. It requires courage of being in two worlds: the heavenly and the earthly ones; servicing the Absolute with the awareness of its unattainability and incomparability with human things; audacity for the knowledge of evil both in the world and within people themselves; and in spite of all things searching for spiritual and eternal only. Bulgakov treats creativity as a certain encounter and interpenetration of two worlds: the immanent and the transcendental, as transformation of the created and the world, as worshiping and ascend to God.

Key words: philosophy of creativity, meaning of life, naturalism, secularism, universal unity, faith, religion.

© Батурина И.В., 2015.

Сергей Николаевич Булгаков (о. Сергей) – выдающийся русский религиозный философ, один из немногих богословов, носивших сан священника (был протоиереем)¹. Философское наследие Булгакова достаточно обширно и, как у многих мыслителей рубежа веков, включает в себе внутреннюю эволюцию: от первых ранних книг по политической экономии с марксистской направленностью («О рынках при капиталистическом производстве», «Капитализм и земледелие», более поздняя и сложная «Философия хозяйства») до зрелых работ религиозно-философского характера («Свет не вечерний», «Два града», «Трагедия философии», «Философия имени», богословская трилогия – «Купина Неопалимая», «Друг Жениха», «Лестница Иаковлева», большая трилогия «О Богочеловечестве» и др.). Внутренне очень остро переживая свой духовный перелом от марксизма к религиозным взглядам, Булгаков становится одним из авторов «Вех» и публикует в сборнике блистательную статью «Героизм и подвижничество». Также нельзя не отметить его сборник «Тихие думы», впервые вышедший в Москве в 1918 г., где собраны его лучшие статьи по вопросам философии творчества и искусства, присутствуют автобиографические заметки. В статьи и очерки разных лет вошли и две статьи философа – «Центральная проблема софиологии» и «Софиология смерти», которые, на наш взгляд, являются вершиной его духовного опыта и философского творчества.

Ещё раз следует отметить, что путь внутренней эволюции Булгакова был

¹ Как известно, кроме С.Н. Булгакова священниками были ещё П.А. Флоренский и В.В. Зеньковский.

очень непростым, и сам мыслитель отразил его затем в сборнике «От марксизма к идеализму», в котором он впервые задался вопросом, насколько возможно средствами одной науки и политической экономии создать мирозерцание, устремляющее человека к альтруистическому и солидарному социальному поведению. Обобщённо этот вопрос звучал следующим образом: «Возможна ли научная теория прогресса?» [1, с. 16]. Решение этой проблемы в обычной, эмпирической плоскости Булгаков не находит и признаётся, что в нём именно с этого момента началось восхождение к религиозно-метафизическим основаниям. Если же говорить о его развёрнутой религиозно-философской концепции, то она начинается с книги «Свет не вечерний», основную тему которой сам Булгаков обозначал как православную теодицею; одной из основных авторских задач в этой работе было *преодоление И. Канта*, философией которого Булгаков серьёзно увлёкся в 1901 г. Решая эту проблему, философ формулирует один из своих основных мировоззренческих тезисов, что религиозное чувство и вера не выводятся из нравственности, поскольку превышают чисто антропологические законы существования. Более того, по Булгакову, именно вера есть живое ощущение реальности личного и трансцендентного Бога и того мира, который нами мыслится только как инобытие, заслоняемое нами же самими в суетном и временном чисто биологическом существовании. Исходя из таких посылок, мыслитель задаётся вопросами, что такое философия и как возможна религиозная философия, являющаяся центром всей русской духовной традиции и обращающая человека именно в

нездешний, запредельный мир. В связи с этим Булгаков подчёркивает, что философия не может и не должна искать никакого опытного и рационального обоснования. Вера и религиозная философия вырастают из совсем других начал: непосредственной интуиции Абсолютного, духовного созерцания – не вовне, а вовнутрь, некоего живого общения с целостным многообразием мироздания, чаще всего представленного в различных мифологических формах. «В основе действительно оригинальных творческих философских систем всегда лежит<...> философский миф<...> Мифу присуща своя особая достоверность, которая опирается не на доказательства, но на силу и убедительность непосредственного переживания. В мифе констатируется *встреча* мира имманентного, – человеческого сознания<...> и мира трансцендентного, божественного, причём трансцендентное, сохраняя свою собственную природу, в то же время становится имманентным, а имманентное раскрывается, чувствуя в себе внедрение трансцендентного» [2, с. 71, с. 57]. Заметим, что, на наш взгляд, в этом отрывке очень чётко описывается и процесс творчества как встречи двух миров, которые мы в своём исследовании называем встречей двух начал – видимого, идущего от человека, и невидимого, восходящего к Абсолюту. Завершая размышления об истоках философии и человеческой мысли в целом, Булгаков говорит о величайшей трагедии человечества – секуляризации сознания, из-за которой единственно возможным предметом философии становится гносеология, а Абсолютная истина от неё ускользает и даже ею не взыскуется, – таковы основные темы работы «Трагедия философии». По

сути, в этих достаточно ранних работах философ приходит также к важнейшей для себя мысли о цельности, которую следует искать не только в познании (хотя в философии, в первую очередь), но и в личной жизни, в социальной активности человека, во всех видах его деятельности, и в общем его отношении к миру. Здесь особенно важно обратить внимание на труд «Философия хозяйства» [3], основная суть которого может быть выражена следующим образом. В центре книги – задача философского и религиозного осмысления экономической сферы активности человека, которая весь мир фактически переделала в некое хозяйство. Булгаков подчёркивает, что в основе такого мира-хозяйства лежит непомерно возомнивший о себе экономический материализм – некая ограниченная, односторонняя мания величия одной только политической экономии, которая сама себя возвела в ранг чуть ли не единственной исторической онтологии. Следуя традиции русской философской мысли, Булгаков такому ложному и одностороннему – экономическому – взгляду на мир противопоставляет русскую альтернативу марксизму – христианский социализм, идеалистический либерализм и другие концептуальные средства сохранения мира и человека во всей их полноте и целостности без «сваливания» в ложные и примитивные чисто хозяйственные рамки. Мир на самом деле принципиально иной – *Софийный*, таинственный, метафизический, и сводить его только к таким антропологическим началам, как естественное право, демократия, капиталистическая экономика и т.д., – абсурдно. Даже в отношении к самому *хозяйству* как понятию Булгаков уходит от его чисто внешней,

экономической трактовки. Философ смотрит на мир проблемно, ища в нём живое единство целостности, следы и проявления непостижимого первоисточника, поэтому хозяйство становится для него не средством выживания, тем более – обогащения человека, а творческим отношением его к миру на пути к всецелому преобразению и духовному соединению всего живого. Булгаков теснейшим образом связывает проблему Софии и творчески-хозяйственной деятельности человека, для него эти темы возникают и развиваются всегда параллельно, так как мир философ понимает как плод творения Божьего и арену разворачивающегося мистического творчества. Булгаков утверждает, что мир софиен в своей основе, т.е. абсолютно прекрасен в замысле Божиим о нём. Следует отметить, что такую сложнейшую проблему, как софиология, Булгаков разрабатывает в русле восточного православия и понимает *Софию* как «идею» Логоса, как предмет Любви Божией, или мировую душу. По мысли философа, София есть творческая мысль Божества, и поэтому она всегда совершенна. Мир же, будучи софиен в своей основе, вовсе не софиен в своём наличном состоянии, и первоначально Булгаков ищет путей преобразования мира, в том числе и через хозяйство. В своих зрелых, в первую очередь богословских, работах мыслитель приходит к выводу о невозможности преобразования бытия только материальными, трудовыми, а соответственно, антропоцентрическими силами.

С проблемой поиска цельности и софийного облика бытия связана у Булгакова и философия творчества, так как первично человеческое творчество (а точнее – искусство) он понимал

как попытку придания и возвращения миру его софийного первообраза, и изначально Булгаков пытался даже сблизить хозяйство (как творческую деятельность) и искусство. Впоследствии его понимание феномена творчества развивалось и усложнялось вместе с общей эволюцией его философских и религиозно-богословских взглядов. В сборнике «Тихие думы» Булгаков высказывает суждения об искусстве и творчестве, весьма далёкие от понимания последнего как материальной и предметной культуры, творимой деятельностью только самого человека. После становления религиозного мировоззрения творчество понимается Булгаковым как труднейшее восхождение человека к Абсолюту, таинственно ощущаемому в образе вечной первоосновы *всего и вся*. По взглядам философа, творчество, в отличие от науки, историософии и даже самой философии, есть наивысшая ступень приближения человека к иному бытию, так как оно предполагает созерцание, восприятие Красоты как откровения небесного Смысла, эманулирующего человеку в превышающей физическую оболочку форме. Согласно Булгакову, творчество есть откровение Бога в творении, по воле и по благодати Его, и поэтому художник является самым свободным из всех земных существ рабом, шествующим лишь указанной ему свыше дорогой. Долг художника – слушать и созерцать, быть вещим провидцем, и поэтому Булгаков говорит о мистическом начале творческого акта, никогда не существующем, однако, независимо от воли самого художника. «Поэзия божественна в своём источнике, она есть созерцание славы Божества в творении. Не Бог, но Боже-

ство, Его откровение в творении, по преимуществу доступно поэзии. Поэтическое служение, достойно своего жребия, есть священное и страшное служение: поэт в своей художественной правде есть свидетель горнего мира<...> Поэты рождены для вдохновения, для звуков сладких и молитв, и это вдохновение есть признак Бога, «чистое упоение любви поэзии святой»... Поэзия есть служение истине в красоте... Поэт воспринимает мир как откровение красоты, в которой и через которую ему... становится доступной и мудрость. Источник красоты в небесах, истинная красота – от Духа Святого» [4, с. 259].

Но самое главное, что говорит о творчестве Булгаков, как глубочайший религиозный мыслитель, – важнейшее и единственное назначение творчества – служение, исполнение воли Божией, бытие человека согласно с велениями Отца Небесного и в ответственности перед Ним. В этом плане сам акт творчества философ не отделяет от религиозного акта, но религиозный опыт, если он подлинный, а не умозрительный, духовный, а не воображаемый, есть величайшая тайна Богочеловечества, описываемая только догматами, отцу Сергию Булгакову приоткрывшаяся в опыте умирания, отражённом им в блистательной и одной из самых сложных работ – «Софиология смерти». В ней Булгаков выступает не только как философ, но и (в большей степени) как богослов и человек, немного познавший величайшее таинство – смерть. Но именно эта работа является духовным апофеозом творчества Булгакова, и без неё невозможно постичь и интересующую нас философию творчества этого мысли-

теля, которую невозможно понять без его религиозных взглядов. Булгаков в «Софиологии смерти» говорит о своём глубочайшем внутреннем опыте, пережитом им после мук умирания: «Навсегда я познал, что есть только Бог и милость Его, что жить надо только для Бога, любить только Бога, искать только Царствия Божия, и всё, что заслоняет Его, есть самообман» [7, с. 292]. Можно сказать, возвращаясь к мысли о сути творчества, что, согласно Булгакову, в онтологии и аксиологии акт творческий совпадает, сливается с актом религиозным; в антропологии и праксиологии творческий акт сильно разнится с религиозным опытом, поскольку человек от творчества как восхождения к инобытию и религиозного служения неизбежно отделён необходимостью возвращения в круговорот «мира сего», заполненного греховными нуждами и заботами. Мы не будем углубляться в сложнейшую богословскую проблематику, которую разрабатывает Булгаков в «Центральной проблеме софиологии» и в «Софиологии смерти», сочетая её с глубиной личного опыта. Но философски нам важна мысль, принадлежащая исключительно православной традиции и отделяющая мировоззрение Булгакова от умозрительного всеединства, имманентизма, трансцендентализма и иных аналитических, идущих лишь от тонкостей человеческого ума систем. Эта центральная мысль раскрывает догмат о том, что лишь по благодати Божией и силой Христовой возвращается человек в духовную, небесную свою отчизну, но для этого требуются «всенапряжённейшие» усилия его воли, души, ума, страстное покаяние и постижение бездны своего ничтожества и одиноче-

ства в мире. Отдаляясь от себя, человек поворачивается к Богу, умирая для мира, возрождается для инобытия, но происходит это в таинстве соединения двух природ – божеской и человеческой, единственно совершившемся в явлении Христа. «Кенозис Божественной Софии во Христе, самоумаление божественной природы, составляет самое основание боговоплощения как соединения двух природ: не человеческая природа равняется по божеской, изначально до неё возвышаясь, но божеская умалается до человеческой, хотя и оставаясь сама собою» [7, с. 276]. Мысль о восхождении человека к Богу единственно по благодати Христовой, но и самым крайним личным усилием человеческого естества кладёт свой отпечаток на всю философию Булгакова, в том числе и на философию творчества. Именно она делает возможным понимание творчества как религиозного служения, отличного от прямого послушания и аскезы, так как в творчестве человек достигает удивительных высот в чувствовании красоты мира горнего, но никогда не преодолевает трагедию греховности и несвободы личной земной жизни. Можно сказать, Булгаков понимает творчество как синергию Бога и человека в момент самого акта, но затем человек-художник безвольно покидает небесную дорогу, «и меж детей ничтожных мира, быть может, всех ничтожней он» (А.С. Пушкин).

Для постижения философии творчества Булгакова важно помнить, что он напрямую не высказывал контраверсивных суждений о гениальности и святости, хотя, особенно из последних богословских работ, очевидно, что святость, по мысли философа, есть

высшее, что может быть уготовано человеку на земле. Творчество же, а значит, и связанную с ним гениальность, Булгаков понимает как религиозное служение лишь в напряжённейший момент самого творения; в последующем творчество отделимо от своего носителя, т.е. греховного человека как творца. Отсюда следует, что проблема творчества у Булгакова неразрывно связана с антропологией, с тайной самого человека. Человек идёт к творчеству в тоске по инобытию и Абсолюту, творчество насквозь пронизано неудовлетворённостью этим миром. В «Свете не вечернем» Булгаков пишет о «нездешних корнях нашего бытия», которые осветить нам может только откровение и которые затем мы в различных формах лишь пытаемся уловить и передать. Подчеркнём, что В.В. Зеньковский отмечал, что религиозный перелом не оторвал Булгакова от мира, а наоборот, сам ознаменовался потребностью глубже понять мир и его сокровенную жизнь [8, с. 845]; с этим связана и интенция разработки проблемы творчества, философский и религиозный интерес к искусству. В творчестве обнажаются две природы человека: небесная, тоскующая по горнему миру и земная, погружённая в суету сует и в успех преходящих дней. Суть антропологии процесса творчества Булгаков описывает в ярких образах, навеянных ему на выставке работ скульптора А.С. Голубкиной: «Очистительная тоска идёт не из богоборчества, но, наоборот, рождается из чувства удалённости от Бога; это – чувство пленённой и насиленной женственности<...> Душа мира, которая принадлежит Небесному Жениху, насилуется князем мира сего. Но ему не дано её растлить и до конца овладеть

ею (как не дано это и человеческому титанизму), хотя он держит её в неволе, мучит и искажает<...> На мир налегла тяжесть плотянности и тления, временности и бренности, ибо дух бессилён до конца овладевать плотью, сделать её прославленной и духоносной<...> Творчество... выражает это томление, жажду крыльев, вырастающих только во сне<...> Это есть зов к *преображению*, ибо только оно может исцелить эту больную жизнь, утолить её страдание, извести из темницы пленённую Психею» [5, с. 42–43].

Здесь также важно отметить, что человек бывает наделён творчеством как высочайшим даром, который он не всегда может постичь и который бывает для него даже мучителен. В творчестве человек, с одной стороны, должен быть проводником и созерцателем; с другой же стороны, до такового созерцания ему самому нужно очиститься и возвыситься, превратив себя в достойного быть творцом как служителем Божиим. Если этого не происходит, творчество и становится мукой для человека; Булгаков очень ярко рассуждает о таком испытании творчеством на примере живописи Пикассо: «Пикассо художественно показывает, каким мир является для демона, чем представляется ему Женственность, как ощущается им плоть мира. Беспредельная, поистине чёрная тоска, испытываемая на грани бытия и тьмы «кромешной», тьмы небытия, а вместе хула, застывающая в бессильной муке, мистическая судорога духа...» [6, с. 30].

Итак, суммируя воззрения Булгакова по философии творчества, следует отметить их сложность, разносторонность, но вместе системность и цельность. Философию творчества

мыслителя, как и вообще любую проблематику у него, невозможно рассматривать в отрыве от религиозных взглядов. Эту особенность мировоззрения Булгакова глубоко, изнутри выразил В.В. Зеньковский: «Неотделимость философа от богослова в Булгакове есть самое яркое свидетельство его умственной зоркости и духовной серьёзности: ведь философия всегда занята проблемами Абсолюта, т.е. стоит «на пороге» богословия, а, следовательно, остаться «чистой» философией по существу не может» [8, с. 860]. Существенным переплетением философского и богословского начал является и вся философия творчества Булгакова. В традиции русской философии, но сильно, как, может быть, никто, Булгаков выражает мысль о творчестве как о религиозном служении и восхождении к Богу: «Всякое настоящее искусство есть мистика, как проникновение в глубину бытия; искусство<...> имеет и необходимо религиозную природу, ибо трагическое чувство жизни рождается лишь из религиозного мироощущения. Религия есть жажда божественного, неутолённая, но утоляемая, зов земли к небу и ответный голос с неба» [5, с. 45]. Ещё одной яркой чертой философии творчества Булгакова именно в силу того, что он как истинно верующий сторонился всяких умозрительных схем, является мысль о том, что творчество не заменяет и не может заменить религиозного служения и всегда, неизбежно, связана с трагическим раздвоением человека между его восхождением к горнему и пребыванием в оковах собственной природы и мира сего. Поэтому рассмотрение феномена творчества у Булгакова всегда связано с глубинными вопросами антрополо-

гической проблематики. Заметим, что среди русских религиозных философов он один из первых, кто в полной мере задался вопросом о необходимости восхождения и служения человека своему собственному творческому дару; этой теме посвящены блестящие статьи «Моцарт и Сальери», «Жребий Пушкина», «Л.Н. Толстой» (особенно третья часть последней – «Человек и художник»). Булгаков с истинно философской тонкостью видел ту бездну и ту муку, которой наделён любой творец; ведь дар творчества помимо радости высочайшей свободы предполагает в человеке и обострённое осознание своего ничтожества, и мировую тоску по небесной родине. По мысли философа, творчество есть самый сложный земной и мирской путь для человека: он требует мужества жизни в двух мирах – небесном и здешнем, мужества служения Абсолютному с полным сознанием его недостижимости и несравнимости ни с чем человеческим, мужества, зная силу и глубину зла в мире и в самом человеке, всё-таки искать только духовного, вечного и подлинного: «Испуг перед силою зла, нечувствие Бога, неизбежно ведёт и к бессилию творчества, параличу духа. В его преодолении крепнет и закаляется дух, но само уныние ослабляет, обессиливает творца и художника. Ибо творчество родится из полноты и силы, и само оно есть уже радость» [5, с. 42]. Булгаков вообще понимает творчество как некую встречу и таинственное взаимопроникновение двух миров – мира имманентного и трансцендентного, а фактически как преобразование мира имманентного запредельной силой Духа. Можно сказать, Булгаков по-

нимает творчество как преобразование творца, творения и мира, но трагизм творческого акта, как во многом и всего бытия человека, состоит в его мгновенности, «преходящести», подчинённости времени и смертной природе, которую по силам было одолеть только тому, Кто победил мир. Булгаков, начиная свою философию творчества с хвалы гениальности человека, в конечном итоге всегда приходит к мысли о неизбежном восхождении от гениальности к святости на пути преодоления той бездны, которая разделяет мирское и духовное, Творца Небесного и тоскующую по Нему тварь.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Булгаков С.Н. От марксизма к идеализму: сборник статей. СПб.: Товарищество «Общественная польза», 1903. 376 с.
2. Булгаков С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М.: Республика, 1994. 415 с. (Мыслители XX века). ISBN 5-250-02140-9.
3. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М.: Наука, 1999. 412 с.
4. Булгаков С.Н. Жребий Пушкина // Булгаков С.Н. Тихие думы. М.: Республика, 1996. С. 251–269.
5. Булгаков С.Н. Тоска. На выставке А.С. Голубкиной // Булгаков С.Н. Тихие думы. М.: Республика, 1996. С. 42–45.
6. Булгаков С.Н. Труп красоты. По поводу картин Пикассо // Булгаков С.Н. Тихие думы. М.: Республика, 1996. С. 26–39.
7. Булгаков С.Н. Софиология смерти / Этика, культура, софиология: статьи и очерки разных лет // Булгаков С.Н. Тихие думы. М.: Республика, 1996. С. 270–295.
8. Зеньковский В.В. История русской философии. М.: Академический проект, 2001. 880 с.